

Markova, Jelena

Сходство номинационных моделей лексем славянских языков как проявление языковой конвергенции

Opera Slavica. 2011, vol. 21, iss. 2, pp. 1-11

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117506>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СХОДСТВО НОМИНАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ЛЕКСЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

(на материале названий хлебобулочных изделий в русском и чешском языках)

Елена Маркова (Москва)

Абстракт:

В данной статье речь идет о типологическом характере номинационных моделей в славянских языках. На материале наименований хлебобулочных изделий в русском и чешском языках выделяется ряд общих типологических признаков, положенных в основу названий данной тематической группы.

Ключевые слова: номинационная модель, мотивема, типология признаков номинации.

Abstract:

This article is devoted to typological essence of nominational models in Slavonic languages. The row of common typological features, assumed as a basis of titles of the given thematic group, is marked out on material of the names of bakery in Russian and Czech languages.

Keywords: nominational model, motive, typology of features of nomination.

Явное преобладание в современной лингвистике исследований, описывающих особенности национальных языковых картин мира может создать впечатление, что в языках больше различного, специфического, нежели общего, сходного. В связи с этим в последнее время все чаще стали появляться работы, авторы которых стремятся доказать, что говорить о национально-культурной специфике того или иного языка (тем более если речь идет о языках близкородственных, какими являются славянские языки), можно только на фоне общности языкового развития (например, работы Мокиенко В. М., Бириха А. К., Васильевой В. Ф., Марковой Е. М.). Современные славянские языки обнаруживают глубокую общность в путях развития значений отдельных лексем и целых лексических групп, в семантических процессах, происходящих в словах одной тематической или семантической группы, в процессах номинации и словообразования, во фразео-

логии, в общих тенденциях языкового развития. Взгляд на родной язык через призму другого, родственного или неродственного языка, открывает большие возможности не только для выявления специфики своего языка, но и установления единообразия, сходства, типологических черт, присущих языкам.

Слова разных родственных языков нередко обнаруживают сходство в номинационных моделях при обозначении одинаковых денотатов. Это в большой степени обусловлено универсальностью человеческого мышления, общностью исторического опыта, а также типологическим характером признаков, послуживших основой наименований. С целью продемонстрировать общность номинационных моделей в двух славянских языках: русском и чешском – обратимся к анализу слов, номинирующих разные виды выпечки, т. к. издавна продукты из муки были самыми первыми и главными блюдами на столе. Для доказательства типологического характера номинационных моделей в статье привлекаются факты не только литературных языков, но и данные диалектов.

Образность является качественным свойством плана содержания языковых явлений, объективирующим его когнитивную составляющую. Образный характер отражения действительности представляет собой один из видов мышления. Языковая картина мира, являясь своеобразной материальной формой, формой структурирования внешнего и внутреннего мира человека, отображает «мир в зеркале языка» [Леонтьев 1993:18], кодирует его с помощью языковых знаков. Любое наименование репрезентирует стоящее за ним когнитивное содержание через выделение какого-либо признака называемой вещи и имеет ассоциативную природу. Признак, положенный в основу номинации того или иного предмета или явления действительности, называется мотивемой.

К наиболее популярным мотивемам при наименовании изделий из муки относится форма выпекаемого изделия. Особое распространение при выпечке получила форма *roga* – загнутая с обеих сторон в виде дуги, по своей форме напоминающая рог животного, имеющий загнутую форму. Булки такой формы называют в русском языке *рогаликами* (аналогичный признак в своей основе имеет и франц. *croissant*), в диалектах отмечаются и его варианты *рогаль* «калач», «рогатый хлебец», *рогач* «ком толоконного теста с рогульками», *рогуля* – «род калача, кренделя с рогами; ватрушка, защемленная с краев рожками», а также *рогуша*, *рогулька* – «ватрушка с рожками по краям» (Даль). Распространены подобные изделия в русском языке и под названием *подковка* по сходству их с *подковой* – «железной изогнутой по форме копыта пластинкой». Доминирующей в переносе названия послужил тот же признак «изогнутости». В чешском языке также популярны хлебцы такой формы. При этом обнаруживаются изоморфные

лексемь: весьма распространенными в чешском языке являются *rohliky* – булки в виде рога. К тому же *rohliky* известны и в качестве обрядового печенья – «выпечка к дню св. Мартина» (бытует также название *rohy svato-martinské*), а также *podkovy sv. Martina* [Валенцова 1999: 101]. Встречается и наименование *roháč* – «булка с начинкой, завернутая «двумя рогами» (от *roháč* «рогач, жук-олень, связанное с *roh* «рог», ср. с рус. *рогач*). Возможно, в данном случае имеет место ассоциативная связь с рогатым скотом, так как на св. Мартина приходилось празднование осеннего общесельского праздника – уборки урожая, с целью угощения кололи быка, что нашло отражение и в выпечке.

Изделию из теста часто придают круглую форму, о чем свидетельствует мотивировка слова *калач* (из **kolo* «круг, колесо»). Однако со временем *калачом* стали называть не только хлебец круглой формы с круглым отверстием посередине, но и хлеб в форме замка с дужкой (Даль). Чеш. *koláč* первоначально также обозначало большой пирог с отверстием посередине; его давали как вознаграждение при уходе челяди со службы (ESJČ НК). Впоследствии это наименование стало обозначать большой круглый хлеб (в русском понимании – каравай). В русских говорах встречаются и другие названия хлебных изделий, мотивированные признаком «круглый»: *круглик* – название свадебного пирога, *кругляк*, *круглышка* «круглый пирог» (ЛЯРНГ: 287).

Шарообразная форма послужила мотивировочным признаком и для названия *булка* – «хлебец из пшеничной муки круглой или овальной формы». Слово считается заимствованием, в пользу чего выступает его позднее появление и отсутствие в большинстве славянских языков (помимо русского отмечается только в украинском, белорусском и польском языках). Родственно франц. *boule* «шар» и «хлебец шаровидной формы», имеется соответствие и со ст.-голл. *bolle* «шар», «булка» (КЭСРЯ). Возможно, что и мотивация слова *кулич* «пасхальный хлеб из сдобного теста с изюмом, испеченный в форме высокого цилиндра» имеет отношение к круглой форме этого вида пирога. В говорах известны такие однокоренные образования, как *кулик*, *кулейка*, *куличка* в значении «ватрушка», т. е. булка, предположительно все они восходят к и.-е. **kul-* (ср. чеш. *kulatý* «круглый»).

По круглой форме обозначаемого изделия получило свое название и известное в русском языке с XVIII в. слово *крендель*, под которым сейчас понимается «витая сдобная булка, напоминающая по форме восьмерку» (откуда появилось переносное *кренделя выписывать* – «идти шатаясь») (СРЯ). Его источником послужило немецкое слово *Krengel* – суффиксальное образование от *Kreng* «круг, кольцо» (КЭСРЯ). В русских говорах *крендель*, или *кренгель* (ср. аналогичные фонетические варианты *ангел* и *андел*),

употребляется для наименования рода калача, витушки, рогульки; *крендельки* – как род бубликов, баранок (Даль).

У разных народов существует и общая традиция названия продуктов печения по названиям птиц и животных. В этой связи можно вспомнить общеславянское *каравай* (первоначально *коровай* от *корова*). Подобную мотивацию имеет и наименование булки в чешском языке – *houska* (SSČ), от *husa* «гусь, гусыня» (известно слово *гуска* и в белорусском языке как наименование свадебного пирога). Вероятно, корнями своими название уходит в традицию выпекания пирога, который своей овальной формой напоминал гуся.

В обрядовом хлебопечении данная мотивема вообще является очень распространенной. На территории Моравии, например, известны такие виды печенья, как *vrányu* (от *vrána* «ворона») – большие вареные пироги, которые готовились в Сочельник и в Страстной четверг; в чешских говорах популярны такие названия выпечки, как *karásek* «длинная булка, посыпанная маком и солью» (получила название по имени рыбы *karas* «карась», ср. с рус. *рыбник* – «пирог с рыбой» и *рыбки* – название мелкого печенья в виде рыбок); *pesíky* (от *pes* «собака»). Известны и различные виды выпечки, которые пекут в день св. Николая в Чехии в виде птичек, животных, змеек: *ptáčky* (от *ptáček* «птичка»), *hádky*, *hádečky* (от *had* «змея»), *zvířátka* (от *zvířátko* «зверек»), *kohoutky* (от *kohout* «петух») [Валенцова 1999: 102].

В русском языке также выделяется ряд названий выпеченных из муки изделий, мотивированных именами животных, птиц. Так, видом сдобного круглого пирога с запеченной в нем курицей является *курник* (от *кура*, *курица*) (в говорах известен и как «род калача с запеченной курицей», а также как свадебный пирог) (Даль). Связь с *курицей* прослеживается в таких распространенных в говорах названиях, как *кокура*, *кокора*, *кокурка* «булочка с яйцом», «пресная лепешка, сдобная, иногда с творогом», *кокач* «пирог с кашей и яйцами» (Даль), иногда *кокурой*, *кокорой* называют и бублик, калач, лепешку, ватрушку (ЛЯРНГ: 287). Некоторые видят в приведенных названиях связь с *кока* «яйцо», откуда *кокочка*, *кокушка* «лакомство», «гостинец», *кокошник* «народный головной убор русских женщин в виде опахала» (напоминающий по виду гребень курицы) (Даль), но скорее всего эта связь обусловлена народной этимологией, мотивировка же слова *кокура*, берущего начало в глубокой древности, нам представляется другой (речь о ней будет ниже).

Широко распространено и такое название печенья, как *жаворонки* – «испеченная из теста в виде птичек булочка ко Дню 40 мучеников (9 марта)» (Даль) (ЛЯРНГ: 220) (от названия птички *жаворонок*, который символизировал приход весны и с которым связан обычай выпускания их на волю ранней весной, поэтому и выпекание жаворонков ассоциировалось

с приходом весны). Аналогичное название обрядового печенья существует в Чехии и Моравии: маленькие плетеночки, называемые *škrovanky* (от *škrivan* «жаворонок»), пеклись во время Великого поста.

Слово *баранка*, хотя и не связывается в сознании носителей русского языка с *бараном* – животным с большими закручивающимися рогами, но обнаруживает явную связь с ним на этимологическом и ассоциативном уровне, имея такую же тонкую круглую форму, как рога у этого животного. Недаром в говорах баранки еще называют *барашками* (ЛЯРНГ: 287). Барашек символизирует собой Христа, поэтому в чешском языке *beránci* – предпасхальная выпечка в виде барашка, которая выпекается в Вербное воскресенье [Валенцова 1999: 115]. «Ватрушку с рогами, пирог с яйцами и рогульками, иногда кольцом» называют в деревнях *козулей* (Даль) (от названия животного *коза*, уменьшительно-ласкательное *козуля*). Обрядовое печенье, которое пекут на Рождество или Крещение, называют в говорах *коровки*, *коровушки* (от *корова*), *козульки* (ЛЯРНГ: 219). Существует и такое наименование печенья, как *ежики* (напоминающие по форме свернувшегося в комок *ежа*), известны они и в говорах как «булочки, вручаемые приглашаемому на свадьбу» (ЛЯРНГ: 221).

Некоторые наименования видов печенья, выпечки мотивированы сходством с различными бытовыми предметами. В основе подобных наименований лежит метафорический перенос. Так, большую украшенную плетенку называют в Чехии *vrkoč* (от *vrkoč* «коса, заплетенные волосы»). Аналогичный хлеб русские называют *плетенкой* (по виду напоминающей заплетенную косу).

Часто названия хлебной выпечки ассоциируются у разных народов с предметами, имеющими круглую, пышную, выпуклую форму, а также мягкими на ощупь. Название *шшишка* (в русских диалектах «булочка, вручаемая приглашаемому на свадьбу») (ЛЯРНГ: 221), как и чешское *šiška* («вид масленичного печения», «маленькие булочки, жаренные в масле на сковородке»), отражают сходство их по форме с *шшишкой* – плодом хвойных деревьев округлой или овальной формы. Чешское *měchurky*, ед. ч. *měchurka* (*měchura*) (мотивированное словом *měch* «мешок») служит обозначением пышных пирогов с начинкой (напоминающих мешок, заполненный каким-либо содержимым) (ESJČ M). Название *měchura* древнее, было известно еще в старочешском языке, где оно обозначало лепешку с сыром или творогом (ESJČ M). Чеш. *peřinky* (от *peřina* «перина») отражает мягкий, воздушный, сдобный характер обозначаемого пирога и носит метафорический характер. Чеш. *rupák*, этимологически связанное с праславянским **ropь*, вариантами которого являются корни *rup-/bub-*, служащие экспрессивным обозначением вещей надутых, набухших, восходит к семе «большой, круглый, мягкий» (ESJČ M). В. Махек приводит целый ряд лексем

с корнем *rip-* в значении «хлеб, печенье»: «словац. *ripáku, ripačku, ripátku* (морав. *ripáku, rikance*) – какое-то сочельническое кушанье (вареники, кнедлики, булочки); словац. *ripkavice* – вероятно, потому, что украшен завитками наподобие пупка» [Machek 1957: 407].

По ассоциации с пышной, полной женщиной с округлыми формами пышные, сдобные изделия из муки получили в славянских языках название *баба* / чеш., словац., пол. *baba*. *Бабой* у русских называют «сдобное печенье на дрожжах, род высокого и рыхлого кулича, каравая» (недаром в народе говорят: «*Бабу* вынимают – печь ломают») (Даль). В литературном русском языке также известно слово *баба* (в основном в наименовании *ромовая баба, ром-баба*) для обозначения «рода пирожного цилиндрической, округлой формы, пропитанного ромом, вином, политого глазурью» (СРЯ). Широко распространено слово *baba*, а также *babka* в значении кулича (пасхального, рождественского) и в чешских, словацких говорах. По мнению чешских этимологов, в данном случае имеет место метафорический перенос по признаку «круглый, мягкий, пышный».

Некоторые названия хлебной продукции мотивированы способом ее приготовления, действиями, охватывающими весь процесс приготовления выпечки, начиная от обработки зерна, замеса теста, действиями, производимыми с тестом, процессом его приготовления. Подобная мотивация отражает наиболее архаичный вид мотивем, восходящих к разного рода действиям. Названия хлебо-булочных изделий часто мотивированы семантикой глаголов, характеризующих действия, производимые с тестом: *вертеть, крутить, бить, катать, вить, гнуть, плющить*. В русском языке многочисленные энергичные действия, производимые с тестом, находят отражение с семантике глагола *кулебячить* «валять руками, сваливать, мять, гнуть и складывать, стряпать и лепить». Широкое распространение получило кушанье, обозначаемое его дериватом, – *кулебяка*, в говорах известное как «длинный (не круглый) пирог из кислого теста, с кашей или с капустой и с рыбой; булка, калач, пшеничный хлеб, пирог; ватрушка, лепешка с творогом», а также (с отрицательной коннотацией, присутствующей в семантике глагольного мотиватора, «делать кое-как, небрежно») в значении «неудачный пирог или печенье» (Даль).

К словам с данной мотивемой можно отнести и общеслав. *кокора*, о котором упоминалось выше. Его соответствия можно обнаружить в других славянских языках: болг. диал. *кокор* «кустарник, круча», с.-х. диал. *kôkorica* «завиток», словен. *kokora* «завиток, локон», *kokorica* «кукуруза», пол. диал. *kokora* «изогнутый кусок дубового дерева», др.-рус. *кокора* «часть ствола хвойного дерева с отрезком крупного корня», диал. *кокора* «корень дерева», «пень», «коряга», «ком (грязи)», «кора некоторых деревьев», «прическа в виде закрученного и стянутого пучка, узел», *кокурки*

«корточки» (СРНГ). Семантика приведенных коррелятов свидетельствует об их родстве с **kočera/*kočerъ*, представленными в рус. диал. *кочура* «кочка», *кочериться* «кочевряться», *кочурить* «сводить судорогами, корчиться» (ЭССЯ, 10, 114). Н. М. Шанский выделяет в данных дериватах приставку *ко-* [Шанский 1972: 207], вычлняя корень *-кор-* (вероятно, тот же, что и в глаголе *корежить* «гнуть, ломать», *коряга* «суковатый обломок дерева»), чередующийся с *-чер-* (диал. *кочера* «суковатый пень»), в таком случае название *кокура/кокура* мотивировано тем, что тесто «корежится», изгибается для придания выпекаемому изделию соответствующей формы.

О продуктивности древнего глагола **gybati* «гнуть, сгибать» в «хлебной» терминологии писал А. Б. Страхов [Страхов 1991: 7–8]. К этому глаголу восходят рус. диал. *гибаница*, *загибенька*, *сгибень* «пирог, обычно согнутый, сложенный вдвое, с кашей либо с ягодами», «род калача, иногда яичного, согнутый вдвое круг теста, булка полукругом» (Даль), болг. *гибаница*, *баница* «слоеный пирог с сыром, маслом и т. д.», макед. *баница* «слоеный пирог с мясом, брынзой», с.-х. *гибаница*, словен. *bgānca* «печеное изделие из теста», *gubanica* «краюха белого хлеба», «рождественский хлеб», укр. диал. *банник* «слоеная лепешка». Данные наименования представляют собой варианты праслав. **gъbanica* от глагола **gъbati* «гнуть, сгибать» (др.-рус. *гбати* «сгибать») (ЭССЯ, 7, 187).

Значение «гнуть, сгибать» восстанавливается и для праславянского глагола **kobiti* и реконструируемого **kabati* (ЭССЯ, 10, 56), откуда словац. *kabáč, kobáč* «пирог», которые В. Махек ставил в один ряд с словац. *pagáčik* «лепешка, простой пирог из муки», чеш. *pegáč, bagáč*, болг., с.-х., словен. *погача* [Махек 1957: 347], рус. диал. *погач* «род пресного пирога» (Даль). Можно предположить и связь чеш. *kobliha*, обозначающего «пончик», традиционную выпечку на масленице, с глаголом **kobiti*. Выпеченные изделия изогнутой формы имели сакральное значение (ср. например, отношение русских к найденной подкове как символу удачи, счастья): они должны были охранять от бед, несчастий. Дальнейшее развитие значений слов с корнем **kob-* не противоречит сакральному характеру рассматриваемой выпечки, возможно, использовавшейся также в целях гадания и предсказания удачи (ср. всевозможные действия с *калачом*, защитные свойства которого обусловлены символикой замкнутого круга: издавна его надевали на руку невесте, насаживали на палку колядующие, через отверстия в калаче смотрели, чтобы добиться чьего-л. расположения или навести порчу, а также обезопасить себя от вредоносной магии [см.: Семенова 2001]). В болгарском языке глагол *кобя* известен в значении «предвещать, знаменовать», с.-х. *кѡбити* «предчувствовать, гадать, предугадывать (беду или удачу)», «встречать», чеш. старое *kobiti* «не стоять на месте, бить копытом», рус.-церк.-слав. *кобилникъ* «гадатель» и т. д. (ЭССЯ).

Наименование популярного в Чехии, Словакии пирога *placka* мотивировано семантикой глаголов *plácat*, *pláckat* «хлопать» (ср. аналогичный корень в русском глаголе *рукоплескаться*, *плескаться* «хлопать в ладоши», зафиксированном в словаре В. И. Даля). (Хотя Махек и относит его все же к заимствованиям из нем. *Platz* «лепешка») [Machek 1957: 370]. Возможно, и рус. *клецка* «колобок, комок из пресного теста, иногда скоромный, в хлебку» (Даль) (в русском языке употребительно выражение *суп с клецками*) восходит к глаголу *клецать* с близкой семантикой «ударять, шелкать». Глагол *плющить* «раскатывать, делать плоским» (ср. и *плюснуть/плюскать* «шлепать, хлопать») послужил основой названия *плюшка*, древнерусского производного от *плюща* (КЭСРЯ), хотя существует и другая точка зрения, сближающая это слово с названием птицы трясогузки *плюшка*, известным в некоторых диалектах (ЭСРЯ).

Возможность придавать тесту различные формы при подготовке к выпеканию, *лепить* из него разные фигуры послужила основой формирования мотивемы «вылепленное» для наименований изделий из теста. Этот признак положен в основу рус. *лепешка* «плоское круглое изделие из печеного теста» (СРЯ). Распространенное в Чехии название булочки *točenka* имеет близкую мотивировку: образовано от глагола *točit* «вертеть», «крутить», является обозначением калача, закрученного в виде улитки.

Хлебные изделия нередко мотивированы глаголами с семантикой плетения, закручивания, завивания. В русском языке признак «плетеный» стал основой наименования хлебного изделия – *плетенки* (как правило, в русском хлебопечении известна *плетенка с маком*). Аналогичную внутреннюю форму имеет чеш. *pletence*, *spleták*, словац. *pletenec*, *pletenák*, (от чеш. *plést*, словац. *pliest'* «плести, вязать») – наименования плетеных видов выпечки. *Витушка* – русское название закрученной булочки, в диалектах под этим именем понимается также «бублик» (ЛЯРНГ: 287), мотивировано глаголом *вить*. Калач называют иногда в русских говорах *валенец* (от глагола *валять*), пирог, ватрушку именуют *дроченой*, *дрочениной*, *дрочеником* (от глагола *драть*), а лепешку – *мякушкой*, на основании того же признака пирог называют *мякотинной* (от глагола *мять*) (ЛЯРНГ), что подчеркивает одновременно и мягкий характер данных изделий.

В различных манипуляциях с тестом имеют место и такие действия, как «резать», «рубить», что также может послужить мотивом соответствующих наименований. Лексемы с подобной внутренней формой обнаруживаются в словацком языке: *krajanec* (от *krájat* «резать») – вид лепешки, *rezanki* (от *rezat* «резать») – хлебные изделия в виде лапши, длинных полосок теста, ср. с рус. *резни* с аналогичной внутренней формой в значении «крошечные лепешки, которые готовят на родительскую, Дмитриеву субботу» (в то время как *резень* – «отрезанный ломоть, кус, кусок») (Даль).

Широко известное в русских говорах и нашедшее отражение в фольклоре *колоб*, *колобок* «круглый хлебец» (известны и *колобашка* «круглый пирог», *колобан* «лепешка» ЛАРНГ: 287) в исходном значении не имели семы «круглый», будучи мотивированы глаголом *колоть* со значением «резать, долбить» (что подтверждается, в частности, диал. *колб'як* «обрубок бревна» того же корня) (Даль). Слово родственно латыш. *kalbaks* «(отрезанный) ломоть хлеба, краюха» (КЭСРЯ).

Получившее определенную форму тесто подлежит тепловой обработке, что также находит отражение во внутренней форме языковых единиц, называемых *печенье* (в диалектах также *пекево*, *печиво* ЛАРНГ), чеш. *pečivo* (от *печь/pecí*). В наименованиях *сушки*, *сухари*, чеш. *sušenky* «печенье», образованных от *сухой* / *suchý* подчеркивается такой признак испеченного изделия, как сухой, рассыпчатый характер, в наименованиях *сдоба* – сдобный, рыхлый характер печенья. В таком наименовании, как *пряник* (от *пряный*, имеющий в своем составе *перец*), чеш. *perník* подчеркивается «пряный» характер обозначаемого изделия, а *медовик* отмечает наличие *меда* в прянике.

В целом отметим, что для мотивации хлебных продуктов характерно внимание к форме выпекаемого изделия. Форма в виде круга (*лепешки*, *калачи*, *караваи*, *колобки*), а также с загнутыми концами в виде полукруга, рога, подковы (*рогалики*, *подковки*, *koblihy*), витые изделия (*витушки*, *рираку*) в виде восьмерки (*крендель*), в виде косы (*плетенки*, *vrkoče*) имели в древности сакральное, апотропеическое (защитное) значение. Особенно выделяются своей архаической семантикой круглые изделия с отверстием посередине (*калачи*, *бублики*, *баранки*), они приобретают особое значение в связи с охранной символикой замкнутого круга. Выпеченные в форме домашних животных или обращенные к их названиям в своей внутренней форме изделия (*короваи*, *барашки*, *housky*) также изначально имели апотропеическое и продуцирующее значение. Символическое значение имели и виды печенья, обращенные номинационно к птицам (*жаворонки*, *ptáčku*), являясь знаками обновления, изменения. Хлеб больших, круглых пышных форм (*булки*, *бабы*, *куличи*, *těchurky*, *šišky*) должен был принести достаток и богатство в дом. Большое значение в процессе приготовления хлебных изделий имели и действия, производимые с тестом, что также нашло отражение во внутренней форме соответствующих наименований (*кулебяки*, *сгибни*, *кокоры*, *placku*, *točenku*).

Таким образом, анализ наименований в одной тематической группе выявил значительное сходство в характере номинационных моделей лексем русского, чешского а также других славянских языков. Конвергентные явления в славянских языках часто обнаруживаются на языковой периферии, среди архаичной, устаревшей лексики, служащей арсеналом поэти-

ческого языка, языка художественной речи, а также в диалектах. Вышедшие из употребления лексемы могут обнаружить себя в составе производных. По мнению Н. М. Шанского, «с привлечением данных языковой периферии, диалектных и устаревших фактов, функционально и стилистически маркированного материала [...] становится ясно, что национальная специфика картины мира во многом сильно преувеличена» и номинативные системы языков обнаруживают значительное сходство, «коль скоро под номинативной системой понимать не только лексический и фразеологический инвентарь языка, но и характер его организации и принципы номинации...» [Шанский 1991: 73].

Литература:

- ВАЛЕНЦОВА, М. М.: *Терминология хлебов в календарной обрядности чехов и словаков* // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. – М., 1999. – С. 99–123.
- ЛЕОНТЬЕВ, А. А.: *Языковое сознание и образ мира* // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16–21.
- СЕМЕНОВА, М.: *Быт и верования древних славян*. – Спб., 2001.
- СТРАХОВ, А. Б.: *Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования*. – München, 1991.
- ШАНСКИЙ, Н. М.: *Лексикология современного русского языка*. 2-е изд. – М., 1972.
- ШАНСКИЙ, Н. М.: *Сходство и различие в номинативных системах языков* // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 72–74.
- МАСНЕК, V.: *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. – Praha, 1957.

Лексикографические источники и их сокращения, принятые в работе:

- Даль – ДАЛЬ, В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х т. – М., 1978–1980.
- КЭСРЯ – ШАНСКИЙ, Н. М., БОБРОВА, Т. А.: *Этимологический словарь русского языка*. – М., 1995.
- ЛАРНГ – *Лексический атлас русских народных говоров*. – С.-Пб., 2004.
- СРЯ – *Словарь русского языка в 4-х т.* – М., 1957–1961.

- ЭСРЯ – ФАСМЕР, М.: *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х т., 2-е изд. – М., 1986.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* (Под ред. О. Н. Трубачева). – М., вых. с 1974.
- ESJČ HK – HOLUB, J., KOPEČNÝ, F.: *Etymologický slovník jazyka českého*. – Praha, 1952.
- ESJČ M – MACHEK, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. 2. vyd. – Praha, 1968.
- SSČ – *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. – Praha, 2003.